

Да, ключевые слова - «пустота» и «обладать», - подумал он, пробежав текст по диагонали. Она пуста, и поэтому алчно желает пустоту заполнить. Он утомился и решил, что вправе сделать перерыв. И без того он уделил ей слишком много своего времени. Строго говоря, она добилась в десять раз больше, чем осмелилась бы пожелать. Возможно, узнай она об этом, она бы вполне удовлетворилась. Она не верит в возможность обладания им; так может, если б она знала, что он думает о ней вот уже полчаса кряду, ее душа едва ли вместила бы столько счастья.

А может, и вправду послать ей какое-нибудь персональное видео-обращение с теплыми словами? Впрочем, это было бы несложно. Он предложил эту идею Мэл, но та убедила его, что это неправильно: за одной наглой эгоисткой тут же выстроится очередь подражателей. Вот если бы она умирала от рака, тогда еще куда ни шло. Но ведь ее спасли, спасли окончательно и бесповоротно. Поэтому - нет, Мэл считает, что он должен сделать разве что очень обобщенный комментарий. Что, мол, он искренне любит всех своих поклонниц, что их чувства небезразличны ему, но он тоже человек и при всем своем желании не смог бы разорваться на миллион частей. Также он просит не забывать, что его актерский образ и он-как-человек - абсолютно разные вещи, и ошибочно их смешивать. Возможно, если бы влюбленные фанатки знали его лично, то их восторгов поубавились бы... (Он ухмыльнулся, натягивая штаны после известного процесса, который его кишечник требовал делать каждое утро после завтрака. Вот если бы бедняжка могла видеть ей сейчас, она бы наверняка тут же исцелилась от своей любви!). Ибо одно дело - яркие фото, а другое - человек в жизненной рутине...

Мэл предложила сама написать текст и отослать Джиму. Что ж, вот и славно. Хорошая идея.

Как все-таки много на свете этих пустых, ленивых и вместе с тем жадных женщин! - думал он, выбирая костюм. Даже, оказывается, в странах третьего мира. А он-то по наивности думал, что хоть там сохранился последний оазис простых истинных эмоций, незамутненных обществом потребления.... А все эти проклятые права человека. По сути, они сделали миллионы женщин несчастными. Потому что им с детства вбивают, что они - личности, исключительности, что они все имеют право на счастье. При этом - ничего не делая. Да приходило ли им в голову, сколько труда ему пришлось потратить, чтобы взобраться хотя бы на первую ступеньку лестницы успеха? Нет, потом, конечно, пошло легче, но вот самая первая ступенька... Она говорит об отчаянии. Что она вообще об этом знает? Она, умеющая в своей жизни только есть и рожать детей, которая вдруг заметила красивую фотографию и возжелала занять оригинал. Отчаяние - это когда ты день и ночь, год за годом бьешься в непробиваемую стену. Когда ты трудишься, как вол. Суетишься, как сумасшедший. Засыпаешь вечером и просыпаешься утром с одной мыслью - хоть об одном отклике на твоё портфолио! И не получаешь ни единого! Тебя словно не видят и не слышат. Ты знаешь, что твои годы уходят. От усталости опускаются руки. Ты оглядываешься вокруг и видишь других, которых ласкают лучи удачи, и начинаешь думать, что Бог забыл тебя. Вот это - отчаяние.

Другое дело, что потом вдруг все волшебным образом изменилось. Но в любом случае, он это заслужил своими усилиями. А что сделала она? Почему она сочла, что имеет права сподобиться неземного счастья, ничего при этом не делая? Естественно, что судьба больно щелкнула ее по носу. Да если бы она не тратила время на бесплодные мечтания, а занялась бы делом - ну, скажем, каким-нибудь интересным творчеством, ну хоть фотографией, на худой конец - она бы мигом отвлеклась от своей одержимости. Вся эта искусственная тоска - плод душевной лени. Правда, вроде бы и надо было ее пожалеть, но у него не получалось.

Черный пиджак, темно-синяя рубашка... Галстук - черный? Или вот этот, темно-серый с еле уловимым жемчужным отливом? Кстати, он хорошо помнил, что еще лет десять тому назад его глаз не умел разбираться в тонкостях оттенков. Но с годами и это пришло.

Он гордился тем, что никогда не переоценивал себя. Он мог бы без труда назвать человек пятьдесят актеров, которые были одарены талантом ничуть не менее его самого, и при этом прозябали в безвестности. Как и он когда-то, они мучительно бились об стену. И есть веские основания считать, что им никогда не суждено пробить ее. Отчего же ему удалось? Божья помощь? Да, конечно, но до известной степени: если уповать только на Бога, то и эта несчастная истеричка вправе ждать от Бога манны небесной в лице любой понравившейся кинозвезды. Нет, разумеется, у него было объективное преимущество. Его уникальное лицо. Да, почему бы не сказать так? Он не слащавый красавец; более того, в некоторых ракурсах его внешность даже отталкивает. А в некоторых он тривиален, как ваш сосед по вагону метро рано утром. Но в этом-то и кроется секрет привлекательности: он разом совмещает в себе несколько типажей. Его лицо вызывает много разных эмоций. Каждый ракурс – новая ассоциация, новая легенда, которую мигом рисует себе воображение. Поэтому и роли его – такие разные.

Да, но ведь лицо – это дар Божий. Выходит, его успех все-таки был предопределен? Тогда получается, что страдания этой тетки тоже предопределены. Ну что ж поделаешь, так устроен мир. Кого-то Бог выбирает, кого-то – нет. То есть кого-то он выбирает для чего-то другого. И долг каждого – найти свое предназначение... Но как быть, если ты страстно желаешь того, чего Бог тебе не предопределил? Ну, не знаю. Наверное, остается только умереть.

Он решил поэкспериментировать и взять зеленый галстук. В конце концов, эстетические нормы создаются людьми. В юности никому не пришло бы в голову считать его лицо образцом мужской красоты. Он сам, своим трудом возвел его в ранг эталона, и в итоге все с ним согласилось. В том числе и всевозможные истерички. Лет пятнадцать назад они бы не обратили на него внимания. Хотя объективно пятнадцать лет назад он должен был быть красивей, чем сейчас! Да потому что нет никакой объективности.

«...Должно быть, я стала жертвой дешевой психотерапии. Все говорят: если очень сильно желать, то твое желание материализуется. Зачем так говорят? Жалкие слабые люди этому верят. А что, если мое желание – такое же, как у миллионов других? Как оно может материализоваться у всех сразу?

Я, понимаю, понимаю, что во всем виновата сама. Так вышло, что у меня нет ничего за душой. Я одинока, не умею общаться с людьми и потому не имею ничего, на что я могла бы отвлечься. Что интересно, я вряд ли похожа на типичную обитательницу «зоны комфорта», которая бесится с жиру... Оказывается, все не так просто. Я думаю о том, чего я должна лишиться, чтобы простые потребности помогли мне забыть мою горькую страсть? Ну, понятно – голод, жажда, бездомность. Но ведь человек, которому нечего есть – это уже не совсем человек, это голодное животное. Человек в нас начинается с того момента, когда витальные потребности удовлетворены. У меня они удовлетворены – это да. Мои дети здоровы и счастливы, слава Богу. Но следующим после этих простых вещей следует Он – тот, который заместил собой весь мир. Тот, в кого этот мир схлопнулся, обратившись в материальную точку.

Я иногда с тоской думаю о временах, когда этой раздирающей тоски не было. С одной стороны, я была беззаботна. Наверное, мне хотелось бы вернуться с то время. Но потом я думаю – как же так? Ведь я теперь познала свет и смысл жизни. Пусть он горек, но ведь я точно знаю, что это – единственный ее смысл. Так зачем же желать обманывать себя? Вернуться к спасительному неведению? Наверное, нет...»

Возраст, одиночество, отсутствие мужского внимания, климакс. Вобщем, все понятно. Он случайно вновь открыл ее словоизвержение в телефоне, сидя на заднем сидении в машине; сегодня за рулем сидел охранник, а он вел одну очень занудную переписку. Он машинально провел пальцем по экрану и опять выскочило это. Впрочем, непонятно, что было более

утомительно – переписка или она. Может, все-таки написать ей краткое письмецо? Хотя нет, Мэл права: это прорвет плотину потоком несчастных искательниц.

Он действительно умел сочувствовать и не делал это лишь потому, что алчущих его чувств было чудовищно много. Ему уже не раз приходила в голову мысль, что каким-нибудь великим инженером давно пора создать симулятор популярных личностей. Не обязательно с телом (это, пожалуй, будет извращением). Сойдет и голограмма. Главное, чтобы был качественный искусственный интеллект. В него вводится большой набор мимических выражений оригинала, от которых стонут несчастные фанатки, а также его походка и жесты. Ну и, конечно, задача программы будет состоять в том, чтобы постепенно (должно быть правдоподобно!) влюбиться в свою хозяйку. И тогда всем будет хорошо.

Спрос на него будет реализовываться в спросе на умные голограммы. Женщины не будут страдать. А он, живой и настоящий, будет все время производить новый «контент» для программ-симуляторов. Разработчики будут обновлять базу его ужимок, слов, фраз. Банально повторять, что представление о нем и он сам, сидящий сейчас на заднем сидении машины с телефоном, когда он (слава Богу!) может не думать о том, как он выглядит – это не одно и то же. И в симуляторе эта различие будет, наконец, реализовано. Он останется принадлежащим сам себе, а все его многочисленные клоны будут принадлежать всем, кто того пожелает. Вообще-то отличная бизнес-идея. Кому бы ее предложить? Кстати, надо подумать и об авторских отчислениях «оригиналу» голограмм, подумал он с усмешкой. Хотя, наверное, мир сразу захлестнет рынок пиратских программ...

Но если серьезно – милая, тебе надо просто заполнить свою жизнь. Да-да, найти мужика. Ты, конечно, не молода и не слишком красива, но все-таки не урод. Вспомни о тех, кому повезло еще меньше! Подумай о жительницах голодных деревень Республики ЧАД (он как раз недавно участвовал в какой-то благотворительной программе). Или об инвалидах-колясочниках (он тоже, кажется, подписывал какую-то петицию. Точнее, Джим за него подписывал). Ты вне зоны комфорта, говоришь? А они еще дальше от нее. Вот они-то могут с уверенностью сказать, что Бог от них отвернулся...

А к тебе Бог, наоборот, повернулся лицом. Смотри – ты мечтала, чтобы твой кумир о тебе узнал. Он узнал! Настолько хорошо узнал, что успел устать от тебя. Материализация мысли, говоришь? Ну так почувствуй, что она материализовалась. Улови мистическую связь между моей усталостью и твоим вожделением. Она есть, в этот самый момент. Обидно, если сейчас ты спишь и так об этом и не узнаешь. Ах да, на другой половине земного шара сейчас как раз ночь. Но, если ты от любви действительно утратила способность спать, то тебе повезло. А если не утратила – то извини. Сеанс мистического скайпа заканчивается. Упс – и все. Надоело...

«Я смотрю на людей вокруг и завидую им. У них есть маленькие радости, которые захватывают их в свою круговерть и не дают возможности открыть страшную правду. Правду о том, что все это – только шелест осенних листьев. Как хорошо, что они не знают, что на свете есть только одно счастье, только один смысл, только одно лицо, одна пара глаз, одни руки. Только это – реальность. Только несбыточная мечта обладания тобой может дать силы жить. Она – как ядовитый бензин, попавший в жилы. Она убивает, но она же дает возможность напоследок немножко подвигаться.

Простите меня за попсовые сравнения. Но я не знаю других. Впрочем, я теперь немного представляю себе, что такое ад. Ад – это когда ты смотришь на мир из какого-то невидимого темного чулана. Это вроде черной дыры: ты туда попала и не можешь выбраться назад, а весь мир вокруг тебя не видит и не знает, что ты – там. Но ты пока что имеешь возможность наблюдать за миром – правда, через маленькое окошечко. Ты видишь вдалеке людей, они ходят

и разговаривают. Но ты не слышишь слов. Они – светлые тени, сверкающая иллюзия, до которой не дотянуться. А реальность – это чернота и тишина, в которой находишься ты, и где пребудешь вечно.

Потеря смысла жизни – не фигуральное выражение. Теперь я тоже это знаю. Человек, выброшенный из мира иллюзий (ах, как же там было когда-то хорошо!) не видит смысла в том, чтобы поднять ногу или руку, куда-то пойти и что-то сделать. Да, наверное, если бы мне было нечего есть... Но еда у меня пока есть. Поэтому я не могу заставить себя пойти работать. Я не вижу смысла в этом и потому не могу. Возможно, когда еда закончится, я вернусь в мир простых потребностей и твой образ потускнеет.... Как, наверное, это было бы хорошо...»

Типичная картина клинической депрессии. Да, ей и впрямь не помешает какой-нибудь мощный стимул. Голод, война, революция. Не хорошо желать этого, но... На свете слишком много людей, и они просто не знают, на что себя употребить.

Он, наконец, выключил окно с текстом. Очень кстати пришел важный звонок, и он отвлекся.

«...Моя страсть неразумна, необъективна, эгоистична, инфантильна, разрушительна. Но она почему-то существует. Все на свете создано Богом. Значит, и она тоже? Значит, Богу было угодно вселить в меня эту одержимость и эту боль? Только это и утешает меня. Если Бог – источник моих страданий, значит, он обо мне, по крайней мере, не забыл. Он помнит, что я здесь, одна, в моей черной дыре. Он придет за мной. Приди же поскорее!...»

Он забыл об этой истории на целые сутки. Лишь на следующий день, вечером, он вдруг вспомнил, что забыл. И что мир, кажется, тоже забыл – в течение суток не было ни напоминаний, ни сочувствующих СМС-ок, ни вопросов. Странно, неужели в медиа-мире события сменяются так стремительно? Или случилось что-то экстраординарное? Он невзначай спросил у Мэл. Ах да, она тоже забыла. То есть она хотела сказать ему еще вчера вечером, но не хотела его нервировать лишний раз, а потом и сама отвлеклась на другое.

- Боже, неужели она все-таки снова сделала это?! Второй раз?

- Да нет, в том-то и дело. Она пошла на поправку, ее выписали. И надо же так – переходя улицу в своем депрессивном городке, она попала под грузовик. Задавили не ее одну: грузовик въехал в группу людей, переходивших улицу. Так что это точно не самоубийство. Просто такой нелепый конец. В этих странах, знаешь, машины давят людей безнаказанно: водители просто потом платят полиции, и все.

- Будем надеяться, что перед смертью она уже не считала меня источником всех своих страданий, - задумчиво сказал он.

- О да, я тоже надеюсь. Но знаешь, мне кажется – она все равно была слишком слаба, чтобы жить. Не одно, так другое ее бы подкосило. Во всяком случае, тебе больше не нужно мучиться совестью. Она ведь больше не страдает.

Он кивнул. Вообще-то он опасался, что по своей привычке к сочувствию он будет еще не раз ее вспоминать. Он действительно был хорошим человеком. Возможно, самым лучшим человеком в Голливуде. Но душевная емкость даже самых лучших людей не беспредельна. Их было так много, этих влюбленных. Поэтому он забыл ее. И никогда больше не вспоминал.